

Международная научная конференция «Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира» (Ульяновск, 20-21 сентября 2006 г.)

Гуманитарный факультет УлГТУ связывает с Филологическим факультетом ВУ успешно выполняемый договор о сотрудничестве. Конференция «Национально-художественное мышление и картина мира» не была исключением. Автор данного обзора был сопредседателем Оргкомитета конференции и совместно с проф. В. И. Хрулевым руководил секцией «Проблемы изучения творчества Леонида Леонова: итоги и перспективы». Значительность и симптоматичность работы леоноведческой секции заключалась уже в том, что под гостеприимной кровлей УлГТУ впервые после пятилетнего перерыва собрались многие участники семинара, который с 1996 по 2001 г. постоянно проходил в ИРЛИ (Пушкинский Дом), в Санкт-Петербурге, и был посвящен изучению предсмертного романа Л. Леонова «Пирамида». Ученые-леоноведы, годы не собираясь *de jure*, фактически продолжали дело прежнего научного сотворчества: изданы монографии о Леонове и десятки статей, продолживших традицию изучения романа «Пирамида», успешно защищено немалое количество докторских и кандидатских работ, вышли в свет две коллективных монографии: «Роман Леонида Леонова “Пирамида”. Проблема мирооправдания» (Санкт-Петербург, 2004), «Духовное завещание Леонида Леонова. Роман “Пирамида” с разных точек зрения» (книга, составленная

в Вильнюсском университете и изданная в 2005 г. в Ульяновске, при участии Сибирского отделения РАН Новосибирска). Все это подтверждало и неиссякаемый интерес к последнему роману Л. Леонова, и нерастроченный творческий потенциал семинара, сложившегося в РАН, в Пушкинском Доме.

Леоноведческая секция была призвана попытожить сделанное, взглянуть на сегодняшнее положение дел, разметить новые исследовательские маршруты. Ее работа была открыта докладом проф. Фридерика Листвана «“Настоящая мудрость немногословна...”. Афоризмы Леонида Леонова», являвшего собой «вытяжку» основных идей готовившейся к печати одноименной книги. Положительное и ясное содержание, представленное в докладе, исполненное точной леоновской афористикой, могло бы послужить творческим первотолчком к поиску конструктивных решений, ожидавшихся от всего научного форума. Но обнаружились и противоречия, не снятые в прежних дискуссиях о творчестве русского писателя.

Присутствовавшая на семинаре дочь Леонова – Наталья Леонова (Москва) – выступила с обстоятельным докладом «К истокам “Пирамиды”» о нелегкой творческой судьбе писателя, говорила о затянувшемся на десятилетия непонимании сути его исканий, напомнила о годах гонений и гнева властей и

подобострастных критиков, время от времени ополчавшихся на леоновские произведения. Не миновала докладчик и последнего по тому времени издания: «Духовного завещания Леонида Леонова», где была членом редколлегии и автором статьи, ревизирующей некоторые исследования 1970 – нач. 1980-х гг. Н. Леонова выразила сомнение в том, насколько уместно на фоне глубоких работ (в том числе и о русском зарубежье, высоко отзывавшемся об отношении Леонова к христианству и Православию) приводить в коллективной монографии, пусть и в дискуссионном порядке, статьи, в которых Леонов не признается художником христианского вероисповедания, а роман «Пирамида» воспринимается как «хула на Св. Духа». В споре по этому вопросу участники леоноведческой секции были единодушны и поддержали позицию коллективной книги в том, что необходима реальная и полная картина сегодняшних воззрений на предсмертный роман писателя, тем более в таком сложном и щепетильном вопросе, как вероисповедание великого писателя.

Неоднозначно был воспринят и доклад известного леоноведа В. Хрулева (Уфа) «Проблема целостности романа Леонида Леонова “Пирамида”». В. Хрулев был одним из тех знатоков творчества Леонова, которые участвовали (при наступающей слепоте писателя) в стенографировании и записи романа «Пирамида» в его окончательном варианте. В этом смысле его доскональное знание текста и основного замысла романа не вызывает сомнений. В своем выступлении докладчик высказал мысль, что произведение, создававшееся в течение полувека, осталось незавершенным, оно не выполнено в едином регистре, характеризуется двойственностью авторской позиции, исполнено противоречий и стиливого разнообразия. Безусловно, можно согласиться с определенными

наблюдениями и выводами докладчика¹. Но, по всей вероятности, для доказательства целостности романной реальности необходимо выбирать другие точки и системы отсчета. Ведь роман «Пирамида» являет собой соборный образ всего творчества писателя: в нем есть сотни переключек, развитие линий идей и идеалов его прежнего творчества, притч и сказаний, входящих в его предшествовавшую романистику – всем этим предопределяется целостность «Пирамиды» как вершины художественных исканий, генерального обобщения, итога итогов. Благодаря «Пирамиде» мы можем видеть в целом, в едином образе все творческие искания Леонова как классика русской литературы.

Эти возражения были высказаны автором данных строк в докладе «*О некоторых итогах и перспективах современного леоноведения*». В выступлении было предложено не ограничиваться рамками исследования только романа «Пирамида», а обратиться к идее целостности всего художественного мира художника, имея в виду те духовно-эстетические открытия, которые принес в картину мира писателя его предсмертный роман. В докладе, в частности, говорилось, что, «именно целостность христианского вероисповедания в его православном преломлении, соборность в осознании своего “миробъятия” и определяют целостность леоновского художественного мира, а в силу этого, позволяют исследователю отделить зерна от плевел, а сопутствующие ландшафты от Главного Пути Леонова как художника и духовного православного мыслителя» (9)².

¹ Более тщательно и полно свои суждения по этому поводу В. Хрулев высказал в своей монографии «Художественное мышление Леонида Леонова» (Уфа, 2006).

² Материалы конференции были изданы в сб. статей: *Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира / Проблемы*

Учитывая общее название конференции (своеобразие национально-художественного мышления) докладчик предложил в качестве предмета грядущих коллективных раздумий одну из малоисследованных тем: «Леонов и Запад», высказал мысль о том, что в атмосфере религиозного кризиса, наступившего Россию в XX столетии, Леонов прошел «западными маршрутами» в исследовании путей выхода из атеистического тупика, что его творчество в целом соответствует движению западноевропейского культурологического цикла.

В докладе А. Дырдина «*Вещество и движение жизни. Метафизика Л. Леонова как художественный феномен*» (Ульяновск) также прозвучала озабоченность дальнейшими путями леоноведения. Выдвигая тему о метафизике Л. Леонова (объявленную еще на первом семинаре в докладе Н. А. Грозновой [1996]), выступающий определил ее как одну из актуальных и перспективных в изучении мировоззрения и творческого метода Леонова. В метафизике докладчик видит «личную кодовую систему» (Ю. Лотман) художника, «суверенную мысль, сокрытую в писательской образно-символической системе», способную осуществлять «переход сознания за границу видимой жизни» (39). Обращаясь к эволюции темы в творчестве Леонова, А. Дырдин отметил разные облики метафизического мышления Леонова – миф, притча, законы игры, обряда; это и «метафизическая субстанция» Серебряного века (А. Павловский), «всемирная отзывчивость», «самотворящаяся духовная реальность, воссоздающая в себе библейские сюжеты» (А. Лысов), созвучие образных открытий

Леонова с «метафизикой личности» у Достоевского (В. Федоров), «метафизичность чисел и архитектоники романа “Пирамида”» (А. Ванюков) и мн. др. (40). В докладе Дырдин наиболее полно исследовал метафизику в романе «Вор». Именно она, по всей вероятности, определяет двухроманное строение произведения. За динамической непоследовательной реальностью стоит мир незыблемых вечных ценностей, и личность не может восприниматься только в ее внешнем обыденном обнаружении, но должна быть расценена в ракурсе ценностной глубины. «Главная черта леоновской метафизики – это воссоздание в образах скрытого, потаенного единства вселенной, выход за границу реального мира, через обрисовку его многомерности, драмы индивидуального человеческого сознания» (47). Истоки метафизического чувства – в «причастности абсолютным сферам, в умении художника воплощать всю сложность и богатство ... мироздания» (48). Именно подобная «метафизическая субстанция эстетики и скрепляет Леонова с метафизикой русской литературы, и шире – с метафизикой национального самосознания» (48).

И в выступлениях докладчиков, и в статьях о Леонове, присланных на конференцию, определилось многообразие подходов и плодотворных возможностей современного изучения творчества писателя. Особо следует выделить размышления об апокалиптике и эсхатологии Леонова, представленные в трудах краснодарских ученых Т. Рыжкова и А. Татаринова.

Т. Рыжков в исследовании «*Эсхатологический сюжет в романе Л. М. Леонова “Пирамида”*» основывается на выводах леоноведов о том, что роман «Пирамида» следует расценивать не только как художественное произведение, «но и как реальное пророчество о возможном катастрофи-

изучения творчества Л. М. Леонова: итоги и перспективы. В 2 т., Ульяновск, 2007, Т. 2. Доклады / статьи цитируются по этому изданию, в скобках указывается номер страницы.

ческом варианте развития истории». Рыжков дает произведению в его «сверхлитературной миссии» (80) еще одно жанровое определение – «эсхатологический роман» (82–83). Доказательство строится автором на многих назывных тезисах: от предтекстового слова, именующего современность «прологом к апокалипсису» (83) через Книги Еноха (83), мотив гибели человечества до образа антихриста (84), определяющего «романную судьбу ряда героев» и сюжетные ходы романа. Рыжков утверждает, что, хотя роман и основывается на «христианской апокалиптике» (85), в нем существуют мотивы отступничества (86), наличествует внутритекстовый «апокалипсис от Никанора» (87), отличный от патмосских прозрений Иоанна. Это позволяет говорить не только об эсхатологичности произведения, но и представить «Пирамиду» как некий «пессимистический Апокалипсис» (90). Последнее основано на мысли о том, что здесь «нет образов справедливого Бога, второго пришествия Христа, сошествия небесного Иерусалима на землю» (90). На эту тревожную констатацию исследователя леоноведение уже ответило и коллективным раздумьем о «проблемах мирооправдания» в романе Леонова, и оценкой миссии ангела и его вознесения, и определением места «музея духовности» человечества в общей структуре романа, и изучением «мятежа святыни» против антихристианства и Иконы зверя, и выработкой представления о соборном образе Библии, всецело вошедшей в построение «Пирамиды». Все для того, чтобы не ставить столь трагически-необратимые точки в конце леоновского предсмертного произведения.

А. Татаринов в своем размышлении «Апокалипсис Леонова и эсхатология Достоевского» показал, почему в последнем романе Леонова представлена, прежде всего, «отрицательная эсхатология» (69), а «положитель-

ная...», которая опирается на две последние главы Откровения Иоанна Богослова, почти не обнаруживает себя (70). В то время как творчество Достоевского, на которое ориентировался в своих исканиях Леонов, опирается на оба «эсхатологических типа». На этом выстроено противопоставление двух классиков русской литературы. «Апокалипсис локальнее», чем эсхатология, «он скорее событие, нежели достаточно подвижное слово о гибели и возрождении. Герои Достоевского – под знаком эсхатологии. Герои Леонова, да и сам автор – под знаком Апокалипсиса» (78)

Сходясь с Рыжковым в определении *пессимистической* апокалиптики в «Пирамиде», Татаринов все же выносит Леонову оправдательный вердикт. Исследователь утверждает, что отрицательная эсхатология определена временем, о котором Леонов писал, что «энтропия “негативного апокалипсиса”» преодолевается самой постановкой вопроса о духовной природе власти в государстве, «которое стремилось себя исключить из христианского мироздания», «способностью героев вести значимые разговоры о Боге и дьяволе, помогая читателю прозревать в советском коммунизме нечто большее, чем последствия социальной революции» (73). Преодолевается и «особым типом богословствования в “Пирамиде”»: присутствие речей о примирении Бога с сатаной и последующем “завершении” человека не означает присутствия в романе Бога, уничтожающего человека» (72). В этом смысле важна и концепция атеизма, выверенная на страницах последнего романа Леонова. Сущность ее – «не отсутствие веры, а ненависть к Богу», это вера «непреклонной вражды» (73). Абсурдно усматривать в мысли «чтобы человека совсем не было» авторский призыв, а вот «предупреждение о грандиозном искушении нового мира – о разочаровании к человеку» с последующим «очарованием небытия – здесь, безусловно, есть» (73).

Один из интереснейших и методологически глубоких подходов к «Пирамиде» был представлен в размышлении о романе Леонова волгоградского исследователя В. Воронина («Антиномии Канта и неопределенность творящего и творимого в “Пирамиде” Л. Леонова»). По всей вероятности, опираясь на дуалистическую картину мира, предлагаемую о. Матвеем Шатаницким, автор статьи в качестве доминанты исследования романной действительности предлагает представление о ней в свете кантовских антиномий: конечности и бесконечности мира, соотношения целого и части, творящего и творимого и др., и приходит к выводу, что леоновские художественно-философские решения не строятся по двоичной логике, с ее «да» и «нет», а «подразумевают, по крайней мере – троичную, с ее неопределенностью между “да” и “нет”. Простейшей интерпретацией здесь может быть троичная логика Лукасевича с ее возможностью циклического чередования противоположностей» (75). В соотношении творящего и творимого леоновские персонажи готовы придать бытию вообще статус бытия, сотворяемого тварным же человеком (76). У Леонова в «Пирамиде» часть поглощает целое, конечное тяготеет к бесконечному, «схождение творящего и восхождение творимого смыкаются вместе, проникают друг в друга...» (77). Исследуя соотношение прошлого и настоящего с будущим, автор работы не склонен оценивать «Пирамиду» как только пессимистический Апокалипсис, ибо в «происходящем», «в настоящем... “Пирамиды” заложены все потенциалы возможной конечности или бесконечности человеческого бытия» (78).

В докладе «Мотив игры в повести Л. Леонова “Белая ночь”» Л. П. Якимова (Новосибирск) на неожиданном материале продолжила свое исследование многообразной мотивики в

творчестве Леонова. Игра у Леонова носит характер некоего сверхмотива, используемого как сюжетообразующий фактор («Деревянная королева», «Валина кукла» или «паноптикум» в «Конце мелкого человека»), как романная коллизия («игра в будущее» в «Дороге на океан») вплоть до обретения онтологического и глобального звучания в «Пирамиде». В повести «Белая ночь» Якимова выделила особую подтекстовую стихию, основанную на «естественном стремлении человека к жизни подлинной, настоящей» (52) в ее противостоянии ложной, искаженной, основанной на «придуманных теориях и проломных социальных проектах» (52). Поэтому реальная жизнь осажденного городка в условиях гражданской войны предстает в игровой неподлинности, становится, по словам Леонова, «напыщенной комедией», «незабываемым спектаклем». В цепи игровых образов (игра в карты, гадания, игры слов) ведущим становится мотив детской игры в «казаки-разбойники». «В глубине революционного метатекста советской литературы мотив детской игры звучит весьма настойчиво, внося в утверждение беспорности революции... ноту сомнения, недоверия, модальности. Включение мотива игры в драматический контекст снижает высокий образ Революции, профанирует “жизнь за идею”» (55).

В разыскании Н. Непомнящих (Новосибирск) «Творческое кредо Л. М. Леонова: путь литературоведческой рецепции» Леонов представлен двояко. С одной стороны, это свод многих авторских суждений Леонова, афористически точных определений его художественного искательства, адресованных к творцам современной ему литературы. В авторефлексии и самооценках Леонова речь постоянно шла о «повышении мыслительной емкости слова»: «леоновские формулировки касаются поиска “особых образов-логарифмов”... “письма эссенция-

ми”, “всеохватного золотого иероглифа бытия”, “зерна вещей и мироздания”» (57). С другой стороны, автор статьи утверждает, что в культурологических построениях Леонова используются те средства общности и диалога с образами и системами мировой культуры, «которые сегодня описывает современная теория интертекстуальности» (57). Для доказательства этого положения Н. Непомнящих прослеживает эволюцию литературоведческих оценок Леонова от 1920-х гг. до наших дней. В 1920-е культурологические задачи Леонова оценивались как «скитание по чужим квартирам» (В. Шкловский), а М. Горьким прямо констатировалась привязанность молодого писателя к тому или иному тексту. В 1970-е гг. леоновская культурология представала «как классическая традиция (Н. Грознова), «цитаты и реминисценции» (В. Кайгородова). Сегодня анализ ведется уже в иных категориях: «соборный образ культуры» (А. Лысов), «символы и знаки мирового бытия» (А. Дырдин), «мотивно-интертекстуальная доминанта поэтики» (Л. Якимова). «Эти определения говорят о принципиально новых исследовательских стратегиях осмысления творческого наследия писателя» (61). Данный обзор и современное звучание творчества Леонова в его общекультурной миссии подвигли исследовательницу на особые определения Леонова: автор «Пирамиды» – не только «последний классик», но и «во многом опередивший других “модернист”», точнее «“неореалист”», продолжающий и множащий накопления великой русской литературы» (61).

В ряде работ, входящих в леоноведческий контекст конференции, решались более локальные задачи на материале произведений Леонова. В разыскании У. Устиновой (Ростов-на-Дону) «Лингвокультурологический анализ безличных конструкций в романе Л. Леонова “Пирамида”» доказывалось, что,

используя безличные словоформы, Леонов, наряду с традиционным их употреблением, время от времени выходил за рамки обычного. В его словесных инновациях безличных словосочетаний подчас «присутствуют элементы стихийности и фатальности» (96), представляется, что персонажами владеет «некая стихийная сила, которая не поддается разумным интерпретациям, обезличена и нереальна» (96). Характеристика подобной лексической формы как фона или знака «ирреальных ситуаций» позволяет дополнить картину леоновских представлений о мире «по ту сторону».

В сообщении О. Силантьевой (Уфа) «Символика сновидений в романе Л. Леонова “Пирамида”» в который раз исследуется сновидческая концепция леоновского романа-завещания. И в этом разыскании, и в других справедливо отмечается, что сны органически вплетаются в ткань леоновского романа, являются важной координатой в создании «романа-наваждения», участвуют как предвестники тех или иных антиутопий в движении сюжета. Но опыт Силантьевой в оценке сновидений в «Пирамиде» все же построен на подмене проблемы: сны и видения смешиваются воедино, не дифференцируются, а обобщения и выводы исходят из этого *смещения представлений* (Ковалева 2005). А ведь Леонов сам говорил о том, что его повествование представляло собой «целые системы взаимодействующих видений», которые *терзали* его, «пока не удалось захлопнуть всю ораву в предлагаемую книгу» (Леонов 1994, II, 681–682). Возможно, в данной работе автору надо было хотя бы уточнить название.

И, наконец, В. Матушкина (Мичуринск) в своей работе «Гуманистические идеи Леонида Леонова (Проблема восприятия)» вернула ход дискуссий о Леонове на прочное и испытанное место. Действительно, даже самые

изошренные хулители итогового романа Леонова, критики от «буквы Православия», легко уступают художнику территорию гуманизма и гуманитарных идеалов. Матушкина с хронологической последовательностью, хотя и выборочно, прослеживает движение гуманистических идей в эволюции леоновского творчества, считая сострадание, сопереживание боли людской, «милость к падшим» теми высокими чувствами писателя, на которых основывается главное в его творчестве, посвященном «человеческому, только человеческому». Здесь, наверное, исследователю надо было бы сделать еще один шаг и назвать это в Леонове христианским мироощущением, его внутренней религией, основанной на евангельском завете «любви к ближнему».

Все вышеизложенное говорит нам о том, что отставленное от академических центров леоноведение в лице прежнего пушкино-

домского семинара не утратило своих творческих возможностей, окрепло за годы «невстреч», обрело новые молодые силы, способно определить приоритеты и исследовательские перспективы своего дальнейшего творческого роста. Новая встреча исследователей художественного наследия Леонида Леонова назначена на сентябрь 2008 года, и есть все основания думать, что она будет не менее успешной и плодотворной, чем чтения в Ульяновске. Перед участниками семинара, помимо работы над новыми темами в изучении художественного мира писателя, встанут в ближайшее время задачи, по всей вероятности, связанные с опытами культурно-исторического комментария «Пирамиды», выверения образно-символической и мыслительной связи последнего романа писателя с его предшествовавшим творчеством.

Александр Лысов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Ковалева 2005 – Ковалева А., «Функция снов в романе Л. Леонова “Пирамида”», *Духовное заветование Леонида Леонова*, Ульяновск, 2005, с. 176–179. В данной работе мы также сталкиваемся с вольным смешением сна и видений.

Автор даже предложила дать «Пирамиде» новое жанровое определение – «роман-сон».

Леонов 1994 – Леонов Л. М., *Пирамида. Роман-наваждение в трех частях*, Москва, 1994, Т. II, с. 681–682.